

A decorative wreath made of olive branches with leaves and olives, framing the central text.

Эмма Коуэлл

Последнее
письма
из Греции

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К73

Emma Cowell
ONE LAST LETTER FROM GREECE

Copyright © Emma Cowell 2022

Перевод с английского *Веры Соломахиной*

Художественное оформление *Катерины Киланяц*

Коуэлл, Эмма.

К73 Последнее письмо из Греции / Эмма Коуэлл ; [перевод с английского В. Соломахиной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-189261-6

Софи — единственная наследница знаменитой художницы Линдси Кинлок. Разбирая вещи матери, она находит фотокопию картины. Это греческий пейзаж, на переднем плане одинокая мужская фигура. Кто этот незнакомец? Кому посвящена надпись на обороте снимка?

Софи хватается за возможность узнать тайны прошлого и летит в Грецию.

Лазурное небо, пьянящая свежесть моря, уютные таверны. Безмятежный Метони распаивает объятия и готов подарить Софи не только долгожданные ответы, но и шанс на счастье.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Соломахина В., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-189261-6

Милой маме

Глава 1

Март, Лондон

Я выбрала для нее последний наряд, макияж и туфли, оставив особые распоряжения сотруднику похоронного бюро. Смотреть на нее, неподвижную, яркую и холодную, было невыносимо.

На похороны матери я надела вечернее платье. Сбравшись с силами, как в тумане, с трудом подхожу к кафедре и вижу очертания знакомых лиц, вспышки яркого цвета, словно в зале прощания все пропускают через странный фильтр. Я совершенно подавлена и выгляжу нелепо в праздничном наряде, который на первый взгляд тут неуместен, однако я как никогда права в своем несоответствии. Я просила всех не приходить в черном, несмотря на трагическую смерть мамы. Ей было всего пятьдесят девять. Только вчера мне позвонил скорбящий знакомый, чтобы посоветоваться, достаточно ли ярок темно-синий, и услышать мое мнение о выборе шарфа.

Невероятная, ты навсегда останешься в наших сердцах.

А сколько одежды, сумочек и туфельек, уютно устроившихся в наших шкафах, крепко связаны с минутами жизни, проведенными вместе, вплетены в ткань, как инструкции по уходу,вшитые в шов. Ее гардероб всегда будет сокровищницей сентиментальных воспоминаний.

Луч весеннего солнца пронзает витраж, оставив яркий поцелуй на розовых лилиях, украшающих вершину маминого деревянного гроба. Я произношу прощальную речь, рассказывая сотням людей то, что они уже знали и не были готовы услышать.

— Мама была похожа на радугу. Известна в мире искусства яркими красками: и на холсте, и за его пределами. Разными оттенками помады, сочными тонами одежды, эффектными серьгами с драгоценными камнями. Она была радугой с идеально подобранными красками.

Я ловлю взгляды самых дорогих друзей, и они вдохновляют меня продолжать. Тифф, моя коллега, сочувственно поднимает брови; Сара, Аби и Бриттани ободряюще подмигивают и кивают.

Я смотрю на Ташу и задерживаю на ней взгляд до конца речи — она поощряет меня улыбкой. Каждая фраза приближает нас к расставанию.

Я возвращаюсь на место и, чувствуя тепло Ташиной руки, опускаюсь на скамью между лучшей подругой и ее мужем, Ангусом. Без их поддержки я бы не прошла этот путь: они подавали платочки, успокаивали, сжимая мои руки, пока сами всхлипывали.

Стоя, поем псалом, слова которого, четко отпечатанные на листочке, плывут и сливаются воедино, когда я безучастно смотрю на страницу.

Звучат прощальные речи. Дань усопшей воздают лучшие из лучших мира искусства: представитель аукционного дома «Сотбис», уважаемый искусствовед, — но их слова мечутся в пространстве не в силах пробить сплетенный вокруг меня щит неверия и шока. Я вполуха прислушиваюсь, замечая, как кто-то сдавленно хихикает, а кто-то сдержанно (или не очень) сморкается.

Последнее письмо из Греции

Перед глазами вспыхивают воспоминания, и от трогательного текста песни, которую я выбрала для финала панихиды, по моему лицу неудержимо текут слезы. Это неправда, этого не может быть.

* * *

Я выхожу из крематория Челси, не зная, что делать дальше. При тусклом свете глаза болят от слез. Нужно ли ждать, пока все подойдет к скорбящей дочери, чтобы принести соболезнования, поделиться воспоминаниями или рассказать байку? Может, сразу ехать домой, пригласив остальных?

— Иди сюда.

Меня обнимают теплые, знакомые с детства руки, и я смотрю в остекленевшие большие голубые глаза Таши. «Моя сестренка от другого мужичонки» — мы всегда так шутим. Мы дружим с малых лет, с дошкольного возраста, и, сколько я себя помню, она всю жизнь меня поддерживает.

Таша берет мои руки в свои.

— Она...

Подруга замолкает, и у нее дрожит подбородок.

— Она бы так тобой гордилась. Я горжусь тобой, Соф. Это была самая красивая надгробная речь. Мама Линс была бы в восторге.

Она обнимает меня за плечи, и я с трудом сдерживаю волну слез, которая угрожает утопить меня, пока мы идем по гравийной дорожке к машине. Сегодня мне кажется, что я сунула голову под воду и замерла, пока остальной мир вращается вокруг меня. Меня кормят с ложечки по утрам, как человека, который забыл, как что делается.

Меня целуют и обнимают самые близкие подружки, приглашают на обеды и ужины, советуют психотерапевта и сами горюют не меньше меня. Маму любили многие. Но внезапно я вздрагиваю и замираю. Он там, преграждает мне путь. В этих туфлях я не могу ни убежать, ни уклониться от встречи.

Роберт, мой бывший жених. Вот уж кого не ожидала встретить сегодня. Ему здесь не место. словно кладбищенский призрак, он приближается ко мне.

Чувствуя, как я напряглась, Таша обнимает меня крепче.

— Привет... мм... Соф, — запинаясь Роберт, наклоняясь, чтобы поцеловать в щеку. — Мне очень жаль... ты знаешь, как я любил Линдси... и как она тебя любила.

Он коротко кивает Таше, а я вижу у него в руках листочек с распорядком службы — мамин портрет с сияющим лицом и под ним изящным курсивом: «Линдси Анна Кинлок».

Аромат знакомого парфюма наводит на меня страх. Отпечаток губ на щеке жжет словно клеймо.

— Спасибо, — шепчу я с подобающей случаю печалью.

Таша тянет меня к машине, бросая на Роберта неприязненный взгляд: «Только посмей...»

Но он хватает меня за руку, и я машинально вздрагиваю.

— Соф, нам нужно поговорить. Это важно.

Я смотрю ему в глаза: молодая листва позади него обрамляет его лицо, словно извивающиеся змеи, песочные волосы выделяются на фоне водянистого весеннего неба. Я не отвечаю — а зачем? Когда он кого слушал?

— Сейчас не время и не место. И не вздумай заявиться в дом, Роберт, — вмешивается Таша, зная, что я, скорее всего, поддамся и соглашусь.

Последнее письмо из Греции

Мне больше нечего сказать ему, все уже давно переворошили. Несколько месяцев назад я выплакала все слезы. Я больше его не люблю. Остались жалость, гнев, но уж точно не великая любовь, как я когда-то думала. И страх. Я ненавидела то, во что превратилась, пока была с ним: раздавленная, еле живая мышка. И в этом я виню его.

— Таша, тебя это не касается. Не лезь. У меня есть полное право выразить соболезнования и поговорить с Софи наедине, — рычит Роберт, и мое сердце замирает.

Сегодня мне никто не нужен, все мысли о маме. Я замечаю, как кружат гости, ожидая, чем все закончится. Зачем он пришел? Ташу не запугать.

— Если ты хоть на секунду считаешь это уместным, ты безумнее, чем я думала. Держись-ка от Софи подальше и хоть раз в своей несчастной жизни поступи как порядочный человек. После всего, что было, ты не имеешь права разговаривать с Софи.

— Хватит! Замолчите, оба! Пожалуйста, просто остановитесь.

Я вырываюсь от Таши и, изо всех сил стараясь идти грациозно, направляюсь к черному лимузину.

Роберт ей никогда не нравился. И не зря.

* * *

Поминки проходят как в тумане, и вот уже ушли подвыпившие друзья и близкие, проводившие маму в последний путь, и я остаюсь одна. Мамин дом скрипит от воспоминаний и пронзительно кричит от пустоты. Иногда кажется, что ветерок доносит запах ее духов, где-то чирикают малиновки и приземляются рядом со мной, только она ли это или просто мы, скорбящие, ищем утешение?

Мне бы просто знать, что с ней все благополучно. Спиртное, похоже, на меня сегодня вообще не подействовало из-за адреналина и потрясения. Выпей я столько в обычный день, давно бы свалилась.

Ловлю себя на том, что поднимаюсь по лестнице.

По извилистой тропе
ножки весело стучат:
там, в Дрыхляндии, нас ждут,
в девять лошади умчат...

Так в детстве мама уговаривала меня лечь спать. Она все превращала в забаву.

Притянутая невидимой силой, я оказываюсь в ее спальне. Одеядо смято, словно она встала в спешке и еще вернется, чтобы его поправить. Я будто шпионю, подглядываю. Стоя перед зеркальной дверью гардеробной, я рассматриваю свое отражение.

Отекшее лицо похоже на сюрреалистическую маску глубокого горя. Покрасневшие от слез серые глаза, такие же, как у мамы, кажутся чужими. Упрямые завитки волос выбились из-под ленты, напоминая растрепанный к концу дня каштановый хвост школьницы.

Я нажимаю на зеркальную дверь, и она распаивается. Стекло все еще хранит мамины отпечатки пальцев, словно размазанную паутину. Я вхожу в гардеробную, и меня манят запахи детства: надежность, тепло и любовь. Они вплетены в ткани и витают в воздухе.

Аромат духов, чистого белья и замши. Перчатки, ремни, жакеты. Шифон, пыль, шелк. Элегантные коктейльные платья, шикарные — до пола, тафта, атлас, бисер. Стразы блестят, блески дрожат. И я дрожу.

Последнее письмо из Греции

Кроваво-красные, канареечно-желтые, чернильно-синие цвета...

Радуга.

Новые вещи с бирками и те, что в шуршащем целлофане из химчистки. Наряду с изношенными, милыми сердцу... такими милыми.

Море, море одежды. Деревянные вешалки, крючки, застежки, молнии. Звон брошей и винтажных клипс, хранящихся в старой французской жестянке из-под печенья. Я их перебираю, закрываю застежки, закрываю глаза.

Вспоминаю, как меня поймали в шляпе с перьями, в больших для моих маленьких ножек туфлях на о-очень высоких каблуках, с размазанными по детскому личику помадой и тенями для век. Как мама смеялась! Я часто играла здесь в прятки, укрываясь юбками, и клацанье металла по рейке выдавало меня с головой.

Она пела, зарываясь носом в мои волосы, вдыхая аромат осеннего солнца и пота. Укоризненно щелкала языком при виде пятен от травы на английской белой вышивке. Я стою среди этих пустых оболочек, и разбор вещей кажется непосильной задачей. Сегодня я не могу за него приняться. И еще долго не смогу.

Собравшись уходить, натыкаюсь на обувные коробки, сложенные одна на другую — с верхней слетает крышка, оттуда вываливаются фотографии с загнутыми краями. Я подхватываю несколько снимков и плотно закрываю дверь в рай для покупателей... пока что.

Наполнив бокал остатками вина из открытой бутылки, я кладу неровную стопку фотографий на пустой обеденный стол. От сегодняшнего обеда ничего не осталось. Кроме моего любимого шоколадного десерта «Роки роуд». С любовью приготовленный моей коллегой Тифф, он за-

менит мне ужин. Я не хотела, чтобы меня весь день, подерживая под локоток, вели от одного пункта программы к другому чьи-то заботливые руки, и внесла свою лепту угощением на поминках. Я кормилица по жизни и по профессии. Если бы мысли занимала еда, может, у меня был бы повод отвлечься даже в такой ужасный день. Но сегодня даже моя любовь к готовке потускнела, и аппетит пропал напрочь. Все сложено в мешки для мусора, посуда вымыта и прибрана. Частный ресторанный бизнес хорош тем, что всегда знаешь, где взять кучу тарелок, стаканов, столовых приборов и чашек — и сейчас они сложены в коробках в коридоре дома, теперь только моего.

Я переехала сюда в сентябре прошлого года, когда ушла от Роберта, бывшего жениха. Вскоре маме поставили страшный диагноз, и я все заботы по уходу за ней взяла на себя. Дом. Единственное место, где я ничего не боюсь. Словно я снова в материнской утробе, рядом с ней, там, где мне уютно.

Я смотрю на пожелтевшие полароидные снимки и крошечные темные — передержанные, которые принесла из маминой гардеробной. Запечатленные моменты прожитой жизни. Не помню этих событий. Наверное, я была совсем маленькой. На некоторых папа. Я всегда буду старше отца. Он умер в тридцать пять, когда мне было три года. В свои тридцать шесть лет я уже на год его пережила. Я осиротела слишком рано. Мне не нравилось, что мама одна, но я понимала, что у нее была великая любовь, которая питала ее душу. Романтик во мне откликнулся на такое чувство, несмотря на исходившую от матери скрытую грусть, молчаливую тоску по потерянному, хотя она об этом никогда не заговаривала. Казалось, все ее мысли были об утраченной любви, но этой темы она избегала.

Мы делились всем остальным. В моем детстве папа был мифической фигурой, как персонаж сказок на ночь.

«Расскажи о папе», — умоляла я, и мама уступала, описывая гламурные художественные выставки, творческую светскую жизнь Лондона, их приключения до того, как я появилась на свет. Но о собственном горе не упоминала никогда. В моем представлении родители были людьми творческими, влюбленными друг в друга без памяти и готовыми в любой момент сняться с места. До моего рождения они исследовали мир, подчиняясь внезапному порыву. Позже мама путешествовала по работе, но в одиночку.

Я беру первую попавшуюся фотографию: мама на пляже, смеется, греясь на солнышке, — такая живая.

Интересно, где она сейчас... в раю или вернулась к счастливым мгновениям жизни. Мы с ней очень похожи. Если рядом с этим снимком поставить мой в двадцатилетнем возрасте, нас не отличить: одинаковые непослушные каштановые кудри, лицо в форме сердечка.

Я делаю глоток бодрящей кисловатой шипучки и принимаюсь разглядывать следующую фотографию. К ней прилипло белое перо. Значит, в комнате присутствует дух. Так говорят. Я не очень верю, но, когда кто-нибудь отпускает на этот счет циничное замечание, по моей коже бегут мурашки. Может, мама подает мне знак, что она здесь? Пальцы меня еще слушаются: я поднимаю белую нежность и отпускаю, с замершим сердцем наблюдая, как перо порхает и приземляется на другой снимок.

Отодвинув перышко, я вижу великолепный пляж, окруженный древними скалами, руины замка у бухты. От снимка веет теплом и надежностью, они мгновенно рассеивают мои страхи и дрожь. На обороте подпись: «Метони, Греция — мой рай на земле».